

The background of the cover features a surreal illustration. A person in a green jacket and brown pants stands in a dark, cavernous space, looking out through a large, irregular opening. Outside the opening, a bright, sunlit landscape is visible, featuring a large, gnarled, leafless tree on a sandy beach, with waves breaking in the distance. The overall mood is contemplative and mysterious.

Владимир
Бехтерев

Психика

*Рекомендовано
департаментом
психологии
НИУ ВШЭ*

Психология
Классика

И ЖИЗНЬ

Внушение

Психология. Классика

Владимир Бехтерев

Психика и жизнь. Внушение

«Издательство АСТ»

1903

УДК 159.9
ББК 88.53

Бехтерев В. М.

Психика и жизнь. Внушение / В. М. Бехтерев — «Издательство АСТ», 1903 — (Психология. Классика)

ISBN 978-5-17-158475-7

Вклад В. М. Бехтерева (1857-1927) в науку неоценим: он стал основоположником рефлексологии и патопсихологии, был выдающимся психиатром. В этой книге собраны статьи, посвященные разнообразным аспектам психики и жизни, человеческой личности, сознанию и внушению. Книга будет полезна людям, занимающимся не только психологией и психиатрией, но и ораторским искусством и журналистикой. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.9
ББК 88.53

ISBN 978-5-17-158475-7

© Бехтерев В. М., 1903
© Издательство АСТ, 1903

Содержание

Предисловие	6
Психика и жизнь	9
Философские воззрения на природу душевной деятельности	9
Взаимоотношение психического и физического мира.	17
Психофизический параллелизм	
Энергетизм в физике и понятие психической энергии	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Михайлович Бехтерев

Психика и жизнь. Внушение

© Двойнин А. М., предисловие, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Предисловие

Владимир Михайлович Бехтерев как исследователь психической жизни человека

Психология как наука существует уже полтора столетия. И несмотря на то, что до сих пор научная картина душевной жизни человека не лишена белых пятен, сегодня мы знаем о психике и поведении гораздо больше, чем наши предшественники. Вместе с тем нельзя забывать о том, что мы *«стоим на плечах гигантов»* – титанов науки прошлого, без научных прорывов и достижений которых были бы невозможны современные открытия в области психологии и других дисциплин.

Одним из таких титанов заслуженно можно считать Владимира Михайловича Бехтерева (1857–1927). В России это имя знает, безусловно, любой образованный человек. Психологам и психиатрам оно известно и за рубежом.

Достигший широкого признания еще при жизни талантливый врач-психиатр и невролог, прекрасный ученый – теоретик и экспериментатор, организатор науки и практической медицины В. М. Бехтерев смело брался за исследование труднейших вопросов психической жизни человека: природы сознания, взаимоотношения психического и физического мира, бессмертия личности, разнообразия поведения человека, распространения психических эпидемий, внушения, телепатии и мн. др.

Современникам ученого иногда казалось, что некоторые предметы его изучения попросту ненаучны, однако В. М. Бехтерев доказывал, что их необходимо исследовать, конечно, не покидая при этом твердую почву научного метода. Так, однажды заинтересовавшись таким явлением, как телепатия, которая широко демонстрировалась публике в народных театрах, ученый провел ряд экспериментов, показав, что передача мыслей на расстояние при помощи *«психической энергии»* есть не более, чем фикция, скрывающая от внешнего наблюдателя технологию зашифрованного общения между людьми, якобы телепатически передающими друг другу мысли.

Кипучая натура В. М. Бехтерева позволяла ему сочетать научные исследования с врачебной практикой, масштабной организационной работой, гражданской и военной службой. Продуктивность и плодотворность Владимира Михайловича удивительны даже по современным меркам. Помимо разработки психологической теории и исследований отдельных психоневрологических феноменов, он описывал новые заболевания, а также создавал методы их терапии, изобретал новые лекарственные средства и препараты. В. М. Бехтерев основал больше трех десятков учреждений, научных обществ и почти дюжину научных журналов, опубликовал около двух тысяч (!) работ, регулярно выступал с докладами и публичными лекциями, активно занимаясь просвещением и пропагандой медицинских и психологических знаний. Еще он служил генерал-лейтенантом медицинской службы Русской императорской армии и носил гражданский чин тайного советника...

В исследовании психической жизни В.М. Бехтерев стоял на объективистских позициях. Понять суть его подхода можно, если обратиться к методологическому контексту современной ему психологической науки. Психология конца XIX – начала XX века была дисциплиной, изучавшей сознание преимущественно *«изнутри»*, как внутренний опыт. Реализовывалось это путем получения исследователем словесных отчетов от испытуемых о результатах их наблюдения за собственными состояниями и процессами сознания – теми, которые открывались внутреннему взору. Такой метод самонаблюдения получил название «интроспекция» (от лат. *introspecto* – смотреть внутрь). Этот *субъективный* способ познания был весьма ненадежным, поскольку приводил к противоречивым данным о сознании и зависел от индивидуальных осо-

бенностей испытуемых: их тренированности, внимательности, уровня психологических знаний, рефлексивных способностей и др.

Осознание психологами начала XX века бесперспективности такого способа познания подтолкнуло их к поиску путей *объективного* исследования психической жизни. Именно в контексте данного поиска В.М. Бехтерев предложил рассматривать психику в неразрывной связи с нервными процессами в мозгу и изучать целостную нервно-психическую деятельность не «изнутри», а «снаружи» – через поведение, которое ученый рассматривал как систему рефлексов. Разработанный им подход получил название «*рефлексология*» и приобрел достаточно большую популярность в России в дореволюционный и ранний постреволюционный период.

Надо, конечно, оговориться, что в мировой психологической науке того времени, да и в российской тоже, рефлексология В.М. Бехтерева была далеко не единственным исследовательским проектом, создававшимся в качестве альтернативы интроспективным исследованиям сознания. Нельзя не упомянуть и появившиеся в то время проекты, часть из которых позднее развилась в отдельные направления психологии: бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихологию, описательную психологию и др. В России, наряду с бехтеревской рефлексологией, выдвигались и другие исследовательские программы: реактология К. Н. Корнилова, культурно-историческая психология Л. С. Выготского.

В данной книге собрана лишь часть работ В. М. Бехтерева, посвященных изучению психической жизни.

Первая половина книги посвящена главным образом философским и общим теоретическим вопросам соотношения психики и жизни. Ученый рассуждает о природе душевной деятельности, о взаимоотношении психического и физического мира, анализирует значение теории эволюции и закона сохранения энергии для понимания сущности и функционирования психики. В духе своего времени В. М. Бехтерев придерживается гипотезы о существовании психической энергии, и на ее основе предлагает свой вариант решения проблемы бессмертия человеческой личности. Насколько этот вариант убедителен – пусть читатель решит сам!

Вторая половина книги раскроет перед читателем грани такого феномена как внушение и его роль в общественной жизни. В.М. Бехтерев рассматривает различные взгляды на природу внушения, описывает его проявления, а также анализирует случаи засвидетельствованных психических эпидемий – массового распространения однотипных психозов среди людей: эпидемии колдовства и бесоодержимости, кликушества и порчи, судорог и мистических учений.

Исследования внушения, гипнотических состояний, а также творческого процесса привели В.М. Бехтерева к пониманию того, какую огромную роль в жизни человека наряду с его сознательной сферой играет бессознательная. В тексте «Сознание и его границы», приведенном в данной книге, ученый критически оценивает интроспективные исследования сознания, обосновывая необходимость внимательного изучения бессознательного, поскольку «*процессы, совершающиеся в бессознательной сфере человека, служат нередко руководством его сознательных действий*» (с. 249, наст. изд.). В. М. Бехтерев поэтично отмечает: «*Бессознательная сфера ... является той сокровищницей нашей души, в которой хранится в скрытом состоянии большинство некогда ярко блиставших в сознании представлений и из которой происходит постоянное обновление сознательной сферы*». (с. 248, наст. изд.). Вместе с тем ученый не умаляет и значимость сознания в жизни человека. Оно, по его мнению, «*может быть уподоблено яркому светильнику, который, озаряя собой глубокие тайники нашей психической сферы, в то же время позволяет нам заблаговременно предвидеть последствия своих деяний и дает возможность находить средства для противодействия тем или другим пагубным для нас влечениям*» (с. 250, наст. изд.).

И пусть читателя не страшит сложность затрагиваемых в настоящей книге вопросов – книга написана вполне доступным и понятным языком, а само повествование не страдает

частым пороком научных работ – сухостью и скукой. Бехтеревский стиль, в меру академичный и чуточку архаичный, при этом легко вовлекающий читателя в диалог, даст возможность погрузиться в интеллектуальную атмосферу научного поиска начала XX века и задаться важными и не до конца решенными вопросами о психической жизни человека.

Двойнин Алексей Михайлович

кандидат психологических наук,

доцент департамента психологии

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»,

эксперт Российской академии образования

Психика и жизнь

Философские воззрения на природу душевной деятельности

Внутренний мир человека, называемый в философии душой или духом, в физиологии сознанием или вообще психической сферой, представляет собой одно из тех явлений, которые всегда привлекали к себе пытливым ум человека. Этим именно и следует объяснить то обстоятельство, что уже со времен глубокой древности и до позднейшего времени создавались различные воззрения на природу души и на отношения ее к телу – воззрения, в основе своей опирающиеся почти исключительно на умозрительный метод.

Все эти воззрения сводятся к двум главным, из которых одно может быть названо дуалистическим, или дуализмом, другое же – монистическим, или монизмом.

Первое предполагает реальное существование двух неделимых и соподчиненных друг другу сущностей (субстанций), представляющих собой дух и материю. Второе воззрение предполагает существование: лишь одной сущности, причем эта сущность является или духом, или материей, или же духом и материей одновременно. В последнем случае дух и материя представляются слитными, неразрывно связанными друг с другом, образуя одну нераздельную сущность.

Согласно только что указанным различиям в воззрениях на основную сущность души и тела или материи монистическое учение разбивается на три отдельных мировоззрения, из которых одно является монистическим спиритуализмом, или спиритуализмом в тесном смысле, второе – материалистическим воззрением, или материализмом, третье же представляет собой монистическое воззрение, или монизм в собственном смысле слова.

Дуалистическое воззрение, известное под названием дуалистического спиритуализма, рассматривает дух и материю как две сущности, которые по природе своей противоположны друг другу: тело имеет протяженность, но бесчувственно; душа, напротив того, непротяженна и представляет собой чувствующую сущность; тело подчинено механическим законам, душа же психологическим законам. Обе эти сущности, не имея между собой ничего общего, связаны лишь внешним образом, но при этом тело является подчиненным душе, обладающей волей, которая властвует над телом как нечто высшее, самостоятельное и само себя определяющее.

Первым создателем этого учения является Платон, который одновременно с тем должен считаться и первым учителем, освободившимся от древних материалистических воззрений и признавшим впервые душу за невещественное начало, управляющее телом.

Из позднейших более видных представителей того же воззрения, без сомнения, заслуживает особого внимания Декарт, развивший это учение в XVII столетии до степени строго выработанной философской системы.

Последняя затем получила дальнейшее развитие благодаря последователям Декарта, а впоследствии также и благодаря школе Вольфа, которой это учение особенно обязано своим широким распространением среди образованной публики.

Спиритуалистическое воззрение, составляющее одну из разновидностей монизма, как мы видели, признает существование только одной известной нам сущности, составляющей душу или дух. Материя же и тело суть явления, воспринимаемые нами лишь как особые состояния нашего сознания или духа. Следовательно, материя по этому взгляду является только созданием мысли или духа; как бы иллюзией в наших собственных глазах.

Рассматриваемое воззрение опирается главным образом на непосредственность нашего восприятия, т. е. на непосредственное познание тех явлений, которые мы находим в нас самих и которые по взгляду спиритуалистов только и могут быть принимаемы за достоверное. Некоторые из представителей этого воззрения, как Лейбниц, Гербарт и последователи Канта, Фихте и Гегель старались, между прочим, развить понятие о сущности или субстанции, доказывая этим путем, с одной стороны, реальность духовного мира вне нас, с другой – полную самостоятельность внутреннего мира каждого индивида. По этим воззрениям мир должен был состоять из определенного числа простых неделимых сущностей, которые были названы монадами. В числе множества монад или простых сущностей, составляющих внешний мир, и душа образует собой отдельную монаду.

Наиболее видным представителем спиритуалистического воззрения этого вида был Лейбниц, по учению которого душа, как монада, представляется несравненно выше других подчиненных ей монад тела.

Что касается отношения души к телу, то из спиритуалистов более всех занимался этим вопросом Гербарт. Последний так же, как и Лейбниц, допускал, что душа между другими простыми сущностями занимает главное место. При этом все явления внешнего мира он объяснял взаимодействием простых сущностей, из которых каждая стремится к самосохранению, но способна в то же время влиять на другие сущности. Таким образом, и душа, по его взгляду, стремится к самосохранению, но другие монады влияют на нее, результатом чего и возникают представления. Из отношений же между последними Гербарт выводил все явления нашего внутреннего мира.

Так как душа по этому взгляду представляется неделимой сущностью, то нетрудно представить себе, почему под влиянием этого учения возникла мысль, что душа должна помещаться в какой-либо одной точке мозга, собирающей в себя отовсюду мозговые волокна, при посредстве которых она и получает возбуждения с периферии тела. За такую точку странным образом признавалась одно время, согласно учению Картезия, шишковидная железа (*gl. pinealis*), а в другое время – мозговой придаток, или мочковатая железа (*gl. pituitaria*).

Так как, однако, этот взгляд оказался в полном противоречии с позднейшими анатомическими и физиологическими данными, то затем был выработан не менее странный взгляд, по которому душа, смотря по надобности, переходит с одного места в другое и, таким образом, участвует в различных процессах, совершающихся в той или другой части мозга.

Кант признавал некоторые понятия как данные нам, составляющие неотъемлемую принадлежность нашего ума или трансцендентальными, и из соединения этих понятий выводил другие отвлеченные понятия.

Хотя сам Кант и не может считаться представителем спиритуализма в строгом смысле слова, тем не менее некоторые из его учеников, как Фихте, выводивший «не я», или объект мысли, из природы «я», или субъекта, и Гегель, отождествлявший мышление и бытие, суть чистые спиритуалисты. Под влиянием этих именно философов спиритуалистическое учение достигло своего апогея, развившись до той степени, когда умозрение не только перестало черпать свой материал из данных наблюдения и опыта, но и все факты, почерпнутые из наблюдения или опыта, стали считаться совершенно ненужным балластом, который только вредит умозрению и, следовательно, затрудняет правильное понимание вещей.

Очень метко характеризует этих представителей философии, между прочим, профессор Циген: *«Это философы, которые еще в настоящее время фантазируют об абсолюте и посредством логических фокусов выводят из своего абсолюта весь мир и еще кое-что. Это достойные наследники Гегеля, который из своих спекуляций вывел, что звезды не небесные тела, а абстрактные световые точки: “световая высыпь”, что ленточные глисты – это “ослабления организма, из которых часть отделяется для самостоятельной жизни”, что кровяные шарики только выдуманы физиологами, что чувствительность это “только внут-*

ренняя дрожь жизненности”, что воспроизведение есть “негативность, как простой момент чувствительности” и т. д. И с этим направлением естественно-научная полемика совершенно излишня: оно должно исчезнуть вместе с распространением естественно-научных знаний. Их несправедливо и теперь в истории философии время от времени приводит в связь с Кантом. Они с ним не имеют ничего общего. Это великолепно представлено на одной старой брошюре: Кант умер и возносится на воздушном шаре на небо, Гегель *et consortes*¹ смотрят на поднимающийся шар и простирают умоляюще свои руки. Но Кант не бросает им ничего, кроме своего парика, палки и т. д., большие они в самом деле не восприняли из учения Канта»².

Здесь необходимо еще упомянуть об особом ответвлении спиритуализма, которое может быть названо идеализмом. Как и чистый спиритуализм, идеалистическое учение в основу кладет факт, что нам даны лишь психические процессы, т. е. ощущения и, как дальнейшее их производное, представление. Дальше этого в представлении внешнего мира мы идти по этому учению не можем. Если Кант и признал «вещи в себе», которые будто бы лежат в основе с феноменов или явлений, то он в этом отношении согрешил против логики, приняв за причины явлений нечто такое, что лежит вне их, так как нельзя из чисто психического составить нечто совершенно от него отличное, т. е. материальное. Таким образом, это учение требует, чтобы мы «оставались» всегда только в круге одного психического, вследствие чего философию этого рода называли также имманентной. Между прочим, это учение отвергает и местоположение наших ощущений в мозгу, что известно в философии под названием гипотезы интродукции. По этому учению наши ощущения и представления лишь зависят от известных частей мозга в отношении своих свойств, но они ничуть не имеют там пространственного местоположения; нет надобности признавать, что ощущение возникает в мозговой коре, откуда оно вновь должно быть перемещено в пространство, т. е. вне нас. Достаточно признать, что ощущение всегда лежит вне нас в том месте, где мы находим видимые, слышимые и осязаемые предметы. Мы живем, следовательно, в сфере ощущений лишь зависимых от мозга, но лежащих вне нас; таким образом, необходимо признавать реальность тех самых ощущений, которые новейшая философия подвергает анализу. Зависимость же от мозга можно обозначить как обратное действие мозговой коры на сферу ощущений. «Это обратное действие, по Цигену, следует определенным законам, которые так же безусловны, как и законы природы». «От законов природы они отличаются тем, что не протекают с уловимой скоростью во времени и пространстве».

«Идеалистическая теория, – говорит в другом месте Циген³, – не принимает без оговорок противоположности между материальным и психическим... но ставит предварительно критический вопрос: действительно ли оба ряда, материальный и психический, даны изначально и один рядом с другим? На это она отвечает отрицательно и во всяком случае с полным правом». «Обыденное воззрение, которое, в сущности говоря, под деревом, огнем и т. д. всегда понимает то, что оно видит и чувствует, т. е. свои ощущения, в гораздо высшей степени право, чем это желает признать метафизика»⁴. Основателем и видным представителем этого учения должно признавать английского философа Беркли, новейшим же представителем этого учения является Шуппе и, между прочим, также врач-психиатр Циген.

Рядом со спиритуалистическим воззрением развивалось совершенно противоположное ему материалистическое воззрение, согласно которому духа, или души, нет, в мире же существует только материя или вещество.

Материалистическое воззрение является одним из старых философских воззрений. По учению древних философов (Анаксимен, Анаксагор, Диоген Аполлонийский, Гераклит и др.)

¹ И компаньоны (лат.).

² Ziehen T. H. Отношение мозга к душевной деятельности. СПб., 1902.

³ Ziehen T. H. Отношение мозга к душевной деятельности. СПб., 1902.

⁴ Там же.

под душой понимали нечто в виде тонкой материи, содержащееся в груди и проникающее в легкие вместе с воздухом при рождении. Согретый воздух, содержащийся в груди (так называемая пневма), является по этому учению не только основой жизни, но и основой души. Самонахождение души одни признавали то в легких, то в сердце (Аристотель), то в полостях мозга (Гераклит, позднее Гален), то в поверхностных его слоях (Эразистрат и др.) Но не следует забывать, что между материализмом древних и позднейшими материалистическими учениями существует немаловажное различие. В то время как древние под названием духа понимали особую тонкую материю, которую отличали от более грубой материи или вещества, лишь количественным образом и которая по их понятиям была соединена с последним чисто внешним образом, позднейший материализм опирается главнейшим образом на существование тесной связи между телесной и духовной сферами организма, причем последняя будто бы вполне обязана первой своим происхождением.

Представители этого взгляда смотрят на душу как на одно из проявлений организованной материи или же как на непосредственный продукт мозговой деятельности. По природе своей душа является, по этому взгляду, результатом молекулярного движения частиц / материи подобно тому, как, например, звук является результатом колебания струны.

В XVII в. материализм нашел одного из видных своих представителей в лице Гоббса, который признавал за реальное в мире только искусственные и естественные тела. В следующем, XVIII столетии материализм, как известно, нашел своих представителей в лице Ла-Меттри⁵, Гельвеция и Гольбаха; наконец в XIX в. с новейшими успехами физиологии материализм снова нашел видных представителей, особенно в Германии, в лице Бюхнера, Молешотта, Фохта и др., а также и в прочих цивилизованных странах.

Следует иметь в виду, что для некоторых материалистов психическое, являясь производным физического, ничего к последнему не прибавляет, так как вся закономерность явлений обуславливается лишь физическими законами, тогда как психические явления лишь сопутствуют физическим, не прибавляя к ним ничего нового и, ничего не изменяя. Психическое по этому воззрению является не чем иным, как простым эпифеноменом физического.

По Ж. Сури, например, *«Декарт в общем был прав, говоря, что все живые существа суть лишь автоматы. Его ошибка состояла в том, что он извлек человека из бесчисленной толпы его низших собратьев. Бессознательные и сознательные психические процессы всегда представляются процессами автоматическими. Сознание, когда оно существует, к этим процессам прибавляет ничуть не более, как тень к телу»*.

Наконец, монизм в собственном смысле, как мы видели, признает реальное существование как духа, так и материи; но и то и другое ничуть не являются противоположностями друг другу, как в дуалистическом воззрении, а, напротив того, оказываются слитными между собой. С признанием единства и материи и духа вся природа является одухотворенной, в силу чего воззрение это называлось иногда пантеистическим.

Лучшим выразителем этого воззрения в XVII в. является Спиноза, проповедовавший единство сущностей, или субстанций. В XVIII в. это воззрение выразилось в учениях английских и французских деистов, обоготворявших природу, а в XIX в. оно снова проявилось в учениях некоторых философов Кантовой школы, как Шеллинга с его *«субъектом – объектом»*, Шопенгауэра, Гартмана и других.

Из естествоиспытателей особенно видным представителем монизма в тесном смысле необходимо назвать Геккеля с его *«клеточными душами»*. По Геккелю, существуют только атомы, обладающие протяженностью и памятью, следовательно, содержат в себе одновременно элементы физического и психического.

⁵ De la Mettrie J.F. Histoire de l'ame. 1745. См. также его сочинение: *«L'homme machine»*.

Отражение этих взглядов мы встречаем также у многих других авторов и, между прочим, у Ж. Сури⁶. *«Вопрос о происхождении и природе психических явлений по взгляду этого автора может быть сведен в сущности к происхождению и природе жизни»*. Он видит большую заслугу монистической философии в том, что она подавила традиционное противоположение тела и души, материи и духа и рассматривает их как два вида одного и того же факта, как субъективное и объективное проявление одного и того же процесса, как формы одного и того же вещества, которые нам кажутся другими только потому, что мы их познаем различно.

«Чтобы объяснить происхождение жизни и ее психических особенностей, должно распространить на последние элементы материи, рассмотренной как вещество, как единое и общее бытие, высшие особенности, которые обнаруживают существа, составленные из тех же самых элементов. Если агрегат обладает чувствительностью, это значит, что чувствительность была в потенциальном состоянии в частях, которые его составляют. Можно, таким образом, допустить, что вся материя, по крайней мере в потенциальном состоянии, способна чувствовать и что при известных условиях эта скрытая чувствительность переходит в действие». *«Это темное стремление чувствовать и двигаться по некоторому бессознательному выбору обнаруживается в атомах, в молекулах и в особенности в пластидах протоплазмы»*.

«Таким образом, кроме качеств механических, физических и химических, последние части материи обладают также качествами биологическими, т. е. способностью чувствовать, воспринимать и двигаться».

Надо заметить, что все вышепоименованные воззрения, хотя и до сих пор еще находят своих представителей среди школы чистых философов, тем не менее под влиянием строгой критики постепенно отходят в область истории, так как каждое из них наталкивается на те или другие непреодолимые препятствия.

Так, воззрение, известное под названием дуализма, или дуалистического спиритуализма, встречает главнейшие затруднения в объяснении взаимодействия души и тела, очевидно, что, признав противоположность духа и материи по их природе, невозможно допустить между ними взаимодействия. Поэтому-то спиритуалисты дуалистического направления создавали по этому поводу самые странные гипотезы. Так, например, последователи Декарта должны были прийти к парадоксальному выводу, что каждый акт взаимодействия души и тела совершается с помощью вмешательств сверхъестественных сил или Бога (оказионалисты). С другой стороны, на помощь дуализму явилась не менее странная гипотеза Лейбница о предустановленной гармонии, которая как бы предопределяет параллельный ход физических и психических процессов в нас самих.

Что касается монистического спиритуализма или идеализма, то, не говоря о многочисленных затруднениях, которые встречаются при неизбежном, как мы видели, допущении перемещаемости души, выставлялись веские возражения против положения, что душа представляет собой простую сущность.

С другой стороны, спиритуалистическое воззрение, признающее только существование в природе одного духовного начала и отрицающее существование вещества, — воззрение, согласно которому все наши представления о вещественном мире суть только иллюзии, результат обманов чувств, стоит вообще в таком противоречии с данными наблюдения и опыта, что оно всегда казалось ошибочным огромному большинству лиц, не имеющих большой склонности к философствованию.

В самом деле, из того, что внешний мир мы воспринимаем посредственно, конечно, нельзя выводить идею об отрицании внешнего мира и допустимо лишь мыслить, что мы не воспринимаем явлений внешнего мира так, как они есть на самом деле.

---

⁶ Soury J. Le systeme nerveux central etc. Paris. 1899. P. 1763.

Что касается имманентного идеализма, то, держась точки зрения, что ощущения лежат вне нас и только зависят от мозга, он оставляет без ответа вопрос, как и чем устанавливается эта зависимость ощущений от мозга. Последнюю ведь нельзя представить без того, чтобы внешние объекты как-либо, т. е. прямо или косвенно, не воздействовали на мозг, а если дело сводится к воздействию на мозг внешних объектов, то это воздействие и есть тот или другой вид интроекции. Наконец, если ощущения лежат вне нас, то где же протекают другие продукты мысли? Ведь нельзя же представлять себе, что вся наша сложная мыслительная деятельность до философии включительно протекает не внутри нас, а вне нас и лишь зависит от нашего мозга. С другой стороны, отвергая гипотезу интроекции, это учение не считается вовсе с тем, что новейшей психофизикой доказано, что процессы восприятия требуют определенного времени, которое тратится на проведение впечатления в мозг и на развитие там сознательного ощущения; оно напротив того признает, что зависимость ощущений от мозга, или закон обратного действия, отличается от законов природы тем, что *«не протекает с уловимой скоростью во времени и пространстве»* (Циген). Наконец, это учение, имея дело только с ощущениями, не может говорить по существу не только о материи, но и об энергии, которая ведь также не дана в наших ощущениях, а вне их, а в таком случае это учение совершенно равносильно уничтожению внешнего мира.

Новейший материализм, как известно, главнейшей опорой своего учения выставляет тот факт, что психические явления всегда связаны с телесными процессами; но другие авторы справедливо возражают против этого, что в действительности психические явления ничуть не составляют следствия телесных явлений, иначе говоря, между процессами физическими, или материальными, и психическими, или духовными, ничуть нельзя уловить причинного отношения, подобного тому, которое может быть между двумя явлениями природы, из которых одно является причиной, а другое – его следствием.

Если встать на ходячую точку зрения материалистов, что психические процессы суть не что иное, как процессы молекулярного движения, то все вместе с этим нимало не подвигается сущность вопроса, так как, из физических, хотя бы и тончайших, молекулярных процессов нельзя вывести явлений сознания, не признав какое-либо элементарное психическое явление одним из свойств безжизненной материи, но одухотворение материи, приписывание ей духовных свойств перестает уже быть чисто материалистическим учением⁷.

С другой стороны, тот отпрыск материализма, который, производя психическое из материального, признает первое простым эпифеноменом второго, наталкивается на то непреодолимое затруднение, что вынужден допускать в психическом совершенно излишнюю, ненужную вещь. А между тем то же материалистическое воззрение своим краеугольным камнем ставит то положение, что в животной организации изначала совершенно лишних и ненужных вещей вообще не существует. Если и допускается существование лишних органов, то не иначе как в зачаточной форме и притом в форме пережитка прошлых периодов существования, когда эти органы были и нужны, и полезны. Следовательно, с принятием психического, как эпифеномена физического, приходилось бы для одного психического создавать нечто совершенно исключительное, противоречащее всему, что мы знаем о развитии организмов по закону эволюции.

Многие думают, что учение Спинозы о слитности духа и материи в одной высшей сущности, или субстанции, имеет преимущество перед другими воззрениями, но это большое заблуждение.

Прежде всего, принимаемая этим учением высшая субстанция, одновременными проявлениями которой являются как внутренний, так и внешний мир, для нас остается совершенно

⁷ По поводу этих более чем странных увлечений материализма известный профессор Гринингер в благородном негодовании совершенно справедливо воскликнул: *«Что можно сказать о прошлом и поверхностном материализме, отрицающем самые общие и драгоценные факты человеческого сознания потому, что их нельзя ощущать в мозгу руками?»* Гринингер В. Душевные болезни. Рус. пер. Ф. Овсяникова. СПб., 1875. С. 6.

неизвестной. Не есть ли эта высшая сущность, соединяющая дух и материю воедино, то же чудо, производящее предустановленную гармонию, которая, как мы знаем, понадобилась для развития учения Декарта. Во всяком случае гипотеза эта признает без достаточного основания совершенно недоступное нашему познанию и к тому же ставит нас в тупик перед вопросом, как убедиться в существовании психического, или духовного, элемента в неорганической материи и в чем, собственно, заключается здесь его роль? Не будучи спиритом, конечно, никто не в состоянии ответить на этот вопрос каким-либо образом. То же самое следует сказать и по поводу Геккелевской гипотезы, которая, кроме того, не принимает во внимание других психических процессов, кроме памяти.

Из сделанного обзора нетрудно усмотреть, что, несмотря на необыкновенную по своим размерам затрату умственного труда со стороны наиболее видных мыслителей старого и нового времени, вопрос об отношении духовного или психического, начала к физическому не подвинулся вперед ни на один шаг. Мы и теперь, как тысячу лет назад, останавливаемся перед неразрешимыми загадками мира, что такое дух и материя и какое их взаимное отношение друг к другу? Ошибка всех вышеуказанных воззрений состоит именно в том, что ими отыскивалась умозрительным путем сущность вещей, между тем как, истинное знание ничуть не заключается в отыскании сущности вещей, а в разъяснении соотношений между теми и другими явлениями. К сожалению, отказаться от разрешения вопроса о сущности психического, или духовного, не так легко, так как этот вопрос самым тесным образом связан с вопросами религиозными, политическими и правовыми. Этим, без сомнения, и следует объяснить тот факт, что вопрос о сущности психического не перестает волновать умы философов и психологов до самого последнего времени и служит предметом живого интереса для всех вообще образованных лиц.

Еще не так давно мы пережили период, в котором материализм, получивший новый толчок к развитию в успехах естествознания и современной физиологии, казалось, готов был торжествовать свою победу над всеми философскими воззрениями. В этот период увлечения материализмом много спорили о связи душевных явлений с физическими и делали попытку убедительнейшим образом доказать, что подобно тому как печень производит желчь, так и из мозга, снабжаемого кровью и содержащего в себе электрические силы, возникает мысль. Таким образом, опять возник, вопрос о сущности психического и связи его с телом, что уже служило предметом изысканий умозрительной философии. Естественно, что усилия новейших мыслителей по отношению к упомянутым вопросам оказались столь же бесплодными, как и все прежние попытки, сделанные в этом направлении.

Нельзя, впрочем, отрицать одной важнейшей заслуги новейшего материализма: несмотря на то что в отношении выяснения сущности вопроса о природе и происхождении психического новейший материализм ограничился очень грубыми и даже наивными воззрениями, он дал могучий толчок к развитию современного нам естествознания и, между прочим, направил умы на изучение вопросов, связанных с отправлениями мозга и с материальными условиями, сопутствующими психической деятельности. Опираясь на данные анатомии и физиологии, новейший материализм направил внимание исследователей также и на изучение соотношений между психической деятельностью и физико-химическими изменениями, происходящими в самом мозгу. Тем самым был открыт обширный путь для вполне научных и крайне интересных исследований, на основании которых не только вполне окрепла мысль о теснейшей связи между психическими и телесными, или материальными, процессами в нашем организме, но и изучены с большой подробностью те условия и те физические или вещественные средства, с помощью которых мы можем изменять соответствующим образом и нашу психическую сферу.

Без сомнения, изучение этих сторон вопроса имело огромную важность для человечества и притом не только в отношении общего понимания наших психических процессов, но и в деле воспитания, а также и в вопросе о лечении психических, или душевных, расстройств. Под

влиянием вышеуказанных исследований новейшая педагогика должна была отбросить старые схоластические воззрения о принципах воспитания психической сферы, она признала в деле воспитания необходимость правильного телесного развития и, опираясь на физиологические данные, вступила в путь совершенно новый и, без сомнения, наиболее плодотворный.

Точно так же в другой области человеческого знания – в психиатрии – произошел не менее, если еще не более значительный переворот, благодаря которому новейшая психиатрия сблизилась самым теснейшим образом с остальными областями медицины и также, как другие отделы клинической медицины, стала опираться в своих положениях на анатомо-физиологические данные, а равно и на факты, черпаемые из физиологической психологии.

В свою очередь, получив толчок в своем развитии, психиатрия как наука, занимающаяся болезненными расстройствами душевной деятельности, оказала огромные услуги психологии. Новейшие успехи психиатрии, обязанные в значительной степени клиническому изучению психических расстройств у постели больного, послужили основой особого отдела знаний, известного под названием патологической психологии, которая уже привела к разрешению весьма многих психологических проблем и от которой, без сомнения, еще большего в этом отношении можно ожидать в будущем.

Вместе с успехами современной психологии оказалось, что к ней приложимы опыт и математика, благодаря чему развился целый отдел психологии под названием психофизики и экспериментальной психологии, причем наши наблюдения над психической сферой стали приобретать точность физических опытов. На этом поприще выдвинулось до сего времени уже достаточное число видных имен, между которыми мы назовем Вебера, Фехнера, Вундта, Гельмгольца, Прейера, Бине и других, как более выдающихся. Исследованиями этих авторов оказаны современной психологии незаменимые услуги и надолго обеспечено ее прогрессивное развитие.

Наконец, развитие современной психологии обязано в известной мере и опытам над животными, с разрушением тех или других областей мозговой коры. Правда, психическая сфера животных представляется относительно слабо развитой, но элементарные психические явления и процессы, как то: выработка ощущений и представлений, обнаружение чувствований и побуждений у высших животных, как и у человека, одни и те же, благодаря чему в известных пределах и с некоторыми ограничениями результаты вышеуказанных опытов над животными могут быть переносимы и на человека.

Без сомнения, еще большую цену для психологии имеют наблюдения над лицами с патологическим разрушением тех или других областей мозговой коры, в особенности же те из них, которые сопровождаются посмертным вскрытием. Такими наблюдениями не только проверяются результаты вышеуказанных экспериментов над животными, но и пополняются еще новыми данными, в особенности, что касается разнообразных расстройств речи и высших психических отправления. Благодаря всем вышеуказанным условиям выяснилось, что психическая деятельность всегда предполагает два порядка явлений: 1) явления собственно психические, 2) и явления материальные, или физические, происходящие в определенных частях мозга.

Взаимоотношение психического и физического мира. Психофизический параллелизм

Дальнейший шаг научного рассмотрения вопроса заключался в том, чтобы выяснить взаимоотношение между психическим и физическим. В этом отношении выдвинулись главным образом два учения: 1) новейшее учение о взаимодействии (*Wechselwirkung* – немцев) и 2) современное учение параллелизма. Первое учение, в сущности берущее начало со времени Картезия, рассматривает душу и тело как две независимые друг от друга сущности, которые стоят друг с другом в тесном соотношении. По этому взгляду, одним из видных современных представителей которого является Ремке, душа может производить материальные изменения во внешнем мире, а следовательно, и в нашем мозгу, как и внешний мир, а следовательно, и материальные изменения мозга производят влияние на душу.

Воззрение это, таким образом, допускает психофизическую причинность, по которой материальные процессы в мозгу служат причиной психических явлений, как и последние, в свою очередь, оказывают воздействие на физические процессы мозга.

Между тем по взгляду параллелистов психические и физические явления в центральной нервной системе всегда идут параллельно друг другу. Таким образом, в нашей психической сфере мы имеем две стороны одного и того же явления – внутреннюю и внешнюю.

Это воззрение также очень старо. Начало его мы видим еще у Лейбница и окказионалистов, но оно было поддержано и развито в значительной мере позднейшими психологами и разделяется многими видными представителями современной нам экспериментальной психологии (Фехнер, Эббингауз и мн. др.).

Первое воззрение прежде всего сталкивается с общепризнанным законом сохранения энергии. Чтобы выйти из затруднения, прибегали к предположению, что закон сохранения энергии не имеет значения по отношению к психическим явлениям, так как он будто бы имеет силу лишь по отношению к замкнутой системе⁸ а между тем физические явления, происходящие в мозгу и стоящие в соотношении с психическими, не образуют собой какой-либо замкнутой системы.

Само собой разумеется, что это рассуждение, ничего не разъясняя, лишь устраняет разрешение задачи, вводя предположение, которое, в свою очередь, требует доказательств.

Вот почему учение параллелизма, новейшим родоначальником которого является Фехнер и которое в новейшее время поддерживается Эббингаузом⁹, Паульсоном¹⁰, Хеймансом¹¹ и мн. др., имеет известное преимущество перед первым воззрением, так как это учение само по себе не предпринимает вопроса об основах нашей психической деятельности и ее происхождении, но, отрешаясь от воззрений грубого материализма и чистого идеализма, оно устанавливает строгое законосообразное соотношение между внутренними, или душевными, явлениями и теми материальными процессами, которые происходят в нервной ткани во время психической деятельности. Это учение подкрепляется также существованием прямого соотношения между расстройствами психических отправлений и определенными материальными изменениями мозговой ткани, устанавливаемого медициной; причем, однако, вопрос о причине упомянутого соотношения остается в стороне, и гипотеза параллелизма его даже и не затрагивает. Вообще, как ни плодотворно вышеуказанное положение в смысле обоснования дальнейших научных исследований относительно психической деятельности, но не подлежит сомнению,

---

⁸ Busse L. Die Wechselwirkung zwischen Leib und Seele und das Gesetz der Erhaltung der Energie. Philosoph. Abhandlungen.

⁹ Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie. I.

¹⁰ Paulsen F. Einleitung in die Philosophie, 1901.

¹¹ Heymans C. Zur Parallelismusfrage. Zeitschr. f. psychologie. Bd. XVII.

что оно ничуть не разрешает вопроса о ближайшей природе соотношения между физическим и психическим миром.

Старое спиритуалистическое воззрение здесь совершенно бессильно, так как нельзя представить себе, чтобы психические процессы сами по себе производили те материальные процессы, которые мы открываем в мозгу. Не менее бессильным в этом вопросе оказывается и материалистическое воззрение. Правда, некоторые из материалистов старались истолковать упомянутое соотношение таким образом, что психическое порождается физическим, иначе говоря, материальные процессы являются причиной психических процессов. Этот взгляд предполагает, что мысль и все вообще психическое есть продукт деятельности мозга, в пользу чего говорит будто бы тот факт, что психическое без физического существовать не может или, по крайней мере, не может быть доказано, тогда как физические процессы в организме, как известно, совершаются нередко без всякого участия психической деятельности.

Коренная ошибка этого взгляда заключается в том, что здесь неправильно понимается слово: причина. Установив постоянство соотношения между двумя явлениями, еще не значит, что мы открыли причинное соотношение между обоими явлениями. Для отыскания причины необходимо, чтобы было показано, что одно есть действительно прямое следствие другого. Между тем кому же не ясно, что из материального нельзя вывести психического начала, как из огромного количества нулей нельзя создать единицы или какой-либо определенной величины. Поэтому воззрение материалистов и не могло удержаться дольше того периода увлечения, которое оно вызвало на первое время.

Ввиду неприменимости понятия о причинном соотношении между психическим и физическим некоторые из представителей эмпирической философии, как Авернариус и Мах, сделали попытку заменить понятие причинного соотношения понятием функционального соотношения. Сущность такого функционального соотношения состоит в том, что две величины находятся между собой в таком соотношении, что, с изменением одной величины, необходимо происходит и изменение другой величины. По Авернариусу, при допущении функционального соотношения между психическим и физическим, как и в математической функции, совершенно безразлично, которую из двух названных функций признавать зависимой переменной и которую независимой переменной. Если мы будем признавать физическое независимо-переменным, тогда психическое будет зависимо-переменным, и наоборот, если мы будем признавать психическое независимо-переменным, тогда физическое должно быть признано зависимо-переменным. Этим путем устанавливается одновременно как зависимость психического от физического, так и зависимость физического от психического.

Легко видеть, что этим путем дается только удобная формула для выражения одновременности психических и физических явлений и для идеи параллелизма. Допустив такое функциональное соотношение между физическим и психическим, мы имеем основание говорить, что когда в нашем мозгу происходят определенные физиологические процессы, то вместе с тем обязательно должны происходить и определенные психические процессы, и наоборот, когда мы совершаем ту или другую умственную работу и вообще мыслим, тогда обязательно должны происходить и соответствующие психической деятельности материальные процессы в нашем мозгу. Легко понять, что это не есть объяснение одновременности психических и физических процессов в нашем мозгу, а есть лишь новое истолкование этого факта. Ввиду этих затруднений некоторые из представителей параллелизма для объяснения постоянного согласия между физическими и психическими процессами высказываются в смысле монизма, принимая тождество физического и психического. Уже Фехнер, поддерживавший этот взгляд, признавал, что психическое и физическое представляют собой две стороны одного и того же явления, что дело идет в данном случае об одном и том же, рассматриваемом лишь с двух различных точек зрения. Иначе говоря, психические и физические процессы ничуть не различны по существу,

так как и все материальное, проходя через призму сознания, является совокупностью представлений так же, как и сами сознательные процессы.

Таким образом, и физиологические процессы мозга, и наша мысль суть лишь две стороны одного и того же явления. Различие между теми и другими в действительности основывается лишь на том, что одно и то же явление рассматривается нами с двух различных точек зрения: с внутренней и внешней. Так психолог, пользуясь методом самонаблюдения, рассматривает мысль с внутренней ее стороны, тогда как физиолог исследует тот же процесс с внешней стороны; с обеих же точек зрения мысленный процесс одновременно рассматриваем быть не может. В этом отношении очень характеристично высказывается Риль¹²: *«Мы не вправе сказать, что воля лишь соответствует иннервации мозга; мы должны, напротив того, сказать решительно, что воля один и тот же процесс, являвшийся объективному созерцанию как центральная иннервация, а субъективному как импульс воли»*.

Из всех сравнений, которыми желали пояснить свои мысли приверженцы монистического параллелизма, мне кажется, наиболее удачным является воззрение Тэна, который психическое и физическое сравнивает с книгой, написанной на двух языках, из которых на одном написан оригинал, или психическое, на другом – перевод, или физическое. По моему мнению, еще правильнее было бы сказать, что мы имеем два тождественных оригинала, написанных на двух различных языках, но так, что каждый из них представляет собой как бы подстрочный перевод другого.

Иные авторы пользовались другими сравнениями для пояснения своей мысли. Так, например, Фехнер¹³ останавливался на примере круга. Если мы находимся внутри круга, то окружность нам кажется вогнутой; если мы находимся вне круга, то та же окружность нам кажется выпуклой. Солнечная система, рассматриваемая с Земли, представляется нам птолемеевской, тогда как при рассмотрении с солнца – коперниковской.

Эббингаус вместо круга Фехнера берет сферические, вложенные одна в другую математические чашки, которые находятся во внутреннем соотношении друг с другом, т. е. существуют как бы друг для друга и могут представляться одна другой. Поэтому эти чашки будут друг для друга одновременно и вогнутыми, и выпуклыми; но для объективного наблюдателя будет всегда одна и та же действительность.

Всеми этими и подобными им примерами авторы желают подчеркнуть то обстоятельство, что мы не можем одновременно воспринимать и физическое, и психическое как одно целое, а можем воспринимать его лишь поочередно с двух сторон – внутренней и внешней, а это и служит причиной того, что одно и то же явление нам кажется состоящим как бы из двух процессов, из которых каждый воспринимается нами порознь.

Однако и в таком виде монистический параллелизм далеко не всеми разделяется, так как в нем дело идет скорее о более или менее удачных сравнениях, нежели о настоящем объяснении. В самом деле, если мы говорим, что два по существу различных процесса представляют собой две стороны одного и того же процесса, то это, в сущности, есть не что иное, как уподобление, а не отождествление.

Мы приведем здесь по этому поводу слова Цигена, которые вместе с тем выражают и наши мысли: «Какой научный смысл мы можем здесь связывать со словами «внутри», «наружу», когда дело идет совсем не о пространственных отношениях? Кто тот, с чьей точки зрения действительное является то психическим, то материальным? Нам необходимо придумать себе еще третье существо или же приписать физическим чашкам замечательную способность представляться друг другу, существовать друг для друга, чтобы быть в состоянии прове-

¹² Риль А. Теория науки и метафизика. С. 231.

¹³ Fechner G. Elemente der Psyche-Physik. Bd. I. S. 3.

сти эту гипотезу тождества. Но этот выход кажется мне бесконечно более сомнительным, чем, например, любая окказионалистическая гипотеза»¹⁴.

Ввиду очевидной несостоятельности вышеуказанного объяснения некоторые из видных представителей параллелизма, как, например, Авенариус, ничуть не допускают сближения или тождества между физическим и психическим миром. В мире физическом мы встречаемся только с материальными явлениями, причем все материальное происходит исключительно из материального же, тогда как все психическое возникает только из психического, а не из материального; таким образом, как между физическими явлениями существуют причинные отношения, так и между явлениями психическими существуют причинные отношения. Не существует лишь причинных соотношений между явлениями физическими и психическими.

Таким образом, несмотря на параллельное течение явлений в мире физическом и психическом, оба мира представляются совершенно обособленными друг от друга, отдельными мирами, и, несмотря на то, между обоими рядами явлений существует полное соответствие, как бы по предустановленной гармонии Лейбница или по какому-то необъяснимому для нас действию высшего начала, явления физические в каждом отдельном случае приходят в согласие с психическими, как учили окказионалисты.

Очевидно, что гипотеза параллелизма, не внося, в сущности, ничего нового в объяснение взаимности между физическим и психическим миром, устанавливает только как факт то постоянное соотношение между физическим и психическим, которое предполагалось уже давно и которое в учении параллелизма получило только определенную научную формулу.

Между тем гипотеза параллелизма, допуская постоянное соотношение в наших центрах психических, или внутренних, явлений с материальными, или внешними, в сущности сама по себе не только не исключает того противоположения между духовным, или психическим, и материальным, которое установилось в философии и психологии со времен Декарта, но скорее его поддерживает и вместе с тем поддерживает и учение Лейбница о представленной гармонии, если иметь в виду, что вряд ли кто-либо стал бы в настоящее время придерживаться учения окказионалистов. До какой степени это противоположение психического, или духовного, физическому, или материальному, является и поныне господствующим воззрением в психологии, показывают, например, недавно высказанные В. Вундтом мысли по поводу психической причинности и психофизического параллелизма в его *«Очерках психологии»*¹⁵.

По взгляду Вундта, «физическое определение величины имеет своим предметом объективные массы, силы и энергии; психическое определение имеет предметом субъективные ценности и цели». Далее еще полнее выражает свою мысль В. Вундт в следующих словах: *«Движения мускулов при внешнем волевом действии и физические процессы, сопровождающие чувственные восприятия, ассоциации и функции апперцепции, неизменно следуют принципу сохранения энергии, и при одинаковой величине этой энергии выраженные в ней духовные ценности и цели могут быть различны по своей величине»*. И далее: *«Физическое изменение имеет дело с количественными величинами, которые допускают градацию только по количественным отношениям измеряемых явлений; напротив того, психическое изменение имеет предметом в своем итоге всегда качественно ценные величины. Поэтому способности производить чисто количественное действие, которое мы определяем как величину физической энергии, можно противопоставлять величину психической энергии, как способности производить качественно различные ценности. Прирост психической энергии не только совместим при таком предположении с обязательным для естественно-научного рассмотрения постоянством физической энергии, но оба эти положения служат даже взаимно дополняющими друг друга масштабами при обсуждении нашего опыта в его целом. Ведь прирост психиче-*

¹⁴ Ziehen T. H. Отношение мозга к душевной деятельности. СПб., 1902.

¹⁵ Вундт В. Очерки психологии. Пер. Д. В. Викторова. Москва, 1897 г. С. 22–23.

ской энергии является в надлежащем освещении лишь постольку, поскольку он составляет обратную сторону физического постоянства. Непрерывности физических процессов противостоит, с другой стороны, как ее психологический коррелят, факт исчезновения психических ценностей, без сомнения, данный в опыте».

Легко видеть, что понятие психической энергии в глазах В. Вундта нечто иное, нежели понятие физической энергии; оно прямо противопоставляется последнему, как приводящее к качественным ценностям, по временам исчезающим, в противоположность постоянству физической энергии, дающей количественные величины.

Очевидно, что психическая энергия в понятии В. Вундта мало что прибавляет к обыкновенному мировоззрению, которое противопоставляет дух материи. В данном случае на место духа является лишь психическая энергия, а на место материи – физическая энергия. Но оба эти понятия, т. е. психическая и физическая энергии, столь же несоизмеримые величины, как дух и материя философов прежнего времени.

Энергетизм в физике и понятие психической энергии

Совершенно аналогичный дуализм мы встречаем и в физике, в понятии о силе или энергии и материи; но так как со времени развития учения о сохранении энергии явилась возможность подчинить энергию математическому исчислению, то очевидно, что этот дуализм в физике не мог принести столько вреда, сколько принес дуализм в сфере изучения психической деятельности. Тем не менее и в физике за последнее время раздались могущественные голоса против дуализма, скрывающегося под понятиями силы и вещества, или материи. В этом отношении заслуживает внимания, между прочим, попытка Майера, а в позднейшее время профессора Оствальда¹⁶ подвести весь видимый мир под понятие энергии, устраняя совершенно материю из обихода научного мировоззрения.

По Оствальду, реальной можно признать в природе только энергию, представляющую собой единственную величину, открываемую нами в природе, тогда как материя есть не что иное, как продукт нашей мысли. По Оствальду, все свойства так называемого вещества могут быть рассматриваемы как те или другие проявления энергии; так, масса, по автору, есть не что иное, как способность двигательной энергии наполнять пространство, иначе говоря, это есть энергия объема (*Volumenenergie*), тяжесть – есть выражение энергии положения (*Lagenenergie*), химические свойства тела сводятся к химической энергии.

Таким образом, все, что мы знали о внешнем мире, может быть сведено к отношениям энергии. Допускать еще особого носителя энергии, т. е. материю, нет основания уже потому, что об этой материи мы не можем ничего узнать, так как различными проявлениями энергии можно объяснить все нам известное.

По Оствальду, *«всюду дело идет только об энергиях, и если отвлечься от понятия о различных родах материи, то не остается более ничего, даже занимаемого ей пространства, так как и последнее мы познаем лишь через трату энергии, необходимую для проникновения в него, т. е. для движения. Таким образом, материя в сущности есть не что иное, как пространственный распорядок разных энергий и все, что мы говорим о ней, в сущности говорим об этих энергиях»*.

Удар палкой производит в нас соответствующее ощущение лишь благодаря энергии удара, сама же палка, по Оствальду, вещь совершенно невинная. При ударе о покоящуюся палку мы ощущаем опять-таки различие состояний энергий по отношению к нашим чувствующим органам, и вообще все наши органы чувств реагируют лишь на различия энергий между этими органами и окружающей нас средой. Таким образом, по Оствальду, все реальное в нашем мире сводится на различные формы и количества энергии, откуда это учение и получает название энергетизма в отличие от общепринятого воззрения, признающего существование атомистической материи, или атомизма.

Явившись в виде реакции против безмерного дуализма, господствовавшего до последнего времени в физике, гипотеза Оствальда, как всякая смелая попытка разрушить старое учение, воссоздав на его обломках новый взгляд на вещи, не могла не встретить многих и не несущественных возражений.

Мы не войдем в подробности этих возражений и заметим лишь, что особенностью гипотезы Оствальда является то обстоятельство, что она приписывает самостоятельную реальность энергии, под которой в физике понимается обычно лишь способность к работе и которая как таковая предполагает существование другого реального *«нечто»* в окружающем нас мире, под которым разумеют обыкновенно материальную среду.

---

¹⁶ Ostwald W. Die Überwindung der wissenschaftlichen Materialismus. Leipzig. 1895. (Рус. пер. в «Научн. обозр». 1896) См. также его сочинение «Натурфилософия». Рус. пер. Г. А. Котляра.

Существенным же недостатком этой гипотезы служит тот факт, что, уничтожая материю и подставляя взамен ее столь же неизвестную в самом существе энергию, Оствальд увеличивает число различных форм энергии до необычайных размеров, что вряд ли может служить к пользе науки. Все внешние свойства и отношения тел, по учению Оствальда, дают основание к признанию новых энергий, как энергии объема, расстояния, поверхности и пр. Но как доказать существование этих энергий в природе, к которым, руководясь тем же принципом, можно присоединить многое множество других энергий, и не служат ли они более или менее плотной ширмой того, что и так сокрыто от нас в природе? Ведь если вещества или массы нет, а тела суть лишь формы энергии, то очевидно, что тела без остатка должны переходить в другие формы энергии, а между тем ничего подобного не наблюдается в природе, так как при всевозможных химических превращениях тела лишь видоизменяют свой состав, форму и объем, но не уничтожаются в настоящем смысле, обнаруживая один и тот же вес своих видоизмененных по внешности частей.

Словом, трудно или даже невозможно помирить гипотезу Оствальда с законом неуничтожаемости материи, если не допускать новой, противоречащей нашим понятиям об энергии гипотезы, что есть формы энергии, которые не переходят ни в какие другие энергии. В самом деле, в какие другие энергии может перейти, например, энергия объема или энергия поверхности? Ясно, что в этом пункте гипотеза Оствальда наталкивается на непреодолимые препятствия.

Нелишне заметить здесь, что, хотя Оствальд, как и Майер, первый основатель энергетики, восстает против гипотез, но разве энергия формы или поверхности не есть чистая гипотеза, которая к тому же допускается без всяких фактических в пользу ее данных.

Поэтому, как ни симпатично в идее ввести в науку вместо понятия материи и энергии одно понятие энергии, мы не видим достаточного оправдания для совершенного устранения материи и замены ее понятием энергии, в сущности не менее отвлеченным, как и понятие материи.

Вот почему, признавая совершенно неправильным старое воззрение, противопоставляющее материю, как косное или инертное вещество, понятию силы, как деятельному началу, мы скажем просто, что в природе везде и всюду мы имеем лишь деятельную среду. Пусть эта среда в первичном своем состоянии не будет представляться нами в той форме, в которой мы обыкновенно представляли себе вещество, пусть даже эта среда будет лишена тех свойств, которыми мы обыкновенно награждаем материю и которые в сущности обязаны своим происхождением силе, тем не менее мы не можем представлять себе в мире одну лишь силу вне той или другой среды.

Ум человеческий вообще не может мириться с мыслью, что окружающий нас мир не представляет собой ничего, кроме видоизменения одной силы в пустоте. В этом отношении, устраняя материю, подобно философскому спиритуализму, учение Оствальда наталкивается на ряд логически неустраняемых препятствий.

Мы не видим, таким образом, необходимости удерживать в конечном анализе обыденное понятие материи с присущими ей свойствами, но мы полагаем, что сила от среды неотделима, и понятие этой среды мы исключить не можем, так как немислимо представить себе, чтобы сила, будучи величиной нематериальной, могла проявлять себя в пустоте.

Очевидно, что нельзя увлекаться энергетическим учением в том именно его виде, как мы его находим в учении Оствальда.

Да и какую роль могло бы играть деятельное начало, если бы в мире ничего не было, кроме самого деятельного начала, если бы не было даже беспредельной среды, в которой могло бы проявляться действие силы?

Таким образом, не допуская противоположения силы, как деятельного начала, веществу, как косному началу, мы полагаем, что сила от среды неотделима, как и среда без силы немислима.

В окружающем нас мире везде и всюду мы встречаемся с деятельной средой, которая заключает в себе одновременно и силу, и массу, и которую мы лишь мысленно можем разложить на вещество, как материальное косное начало, и силу, как нематериальное деятельное начало; в действительности же деятельная среда содержит в себе и то и другое в постоянном и нераздельном единении.

С этой точки зрения, весь доступный нашим чувствам мир представляется деятельной средой. Иначе говоря, по нашему воззрению в мире нет вещества, как особого отдельного от силы косного начала, как нет, в сущности, и силы, как особого, т. е. самостоятельного деятельного начала, так как и то и другое есть не что иное, как продукт нашего умозрения, возникший из желания разложить неразделимую в природе деятельную среду на два противоположных по своей сущности и природе начала.

Наше понятие деятельной среды, таким образом, вмещает в себя понятия вещества и силы. Вещество в доступных нам его видах, т. е. в форме физических тел, является не чем иным, как внешней формой проявления деятельной среды, внутренняя же причина ее деятельного состояния называется нами силой, тогда как взаимоотношение среды и силы в форме деятельной среды образует собой то, что мы называем энергией. Смотря по условиям этого соотношения, мы различаем несколько видов энергии, хотя в сущности в природе имеется всюду одна и та же, однородная в своем существе, единая мировая энергия в виде одной общей деятельной среды.

Поэтому нам нет надобности создавать подобно Оствальду новые формы энергии. Для нас достаточно, если мы скажем, что та или другая, например, кристаллическая или иная форма виденного нами тела, его тяжесть или вес, его внутренний или химический состав являются результатом видоизменения отдельных частей деятельной среды, которое в отдельных случаях, смотря по внешним его формам, мы можем условно называть энергией притяжения, энергией химической, электрической, тепловой, световой и т. п., хотя в сущности, как мы уже упоминали, везде и всюду дело идет об одной и той же деятельной среде, различной лишь в своих проявлениях.

Выше мы видели, что, с точки зрения Оствальда, разные формы энергий внешнего мира познаются нами благодаря тем соотношениям, в которые они вступают с энергией наших органов чувств.

Отсюда естественно, что учение Оствальда неизбежно приводит к учению о психической энергии наших органов чувств и вообще нашей нервной системы. Действительно, философ Лассвиц¹⁷ делает попытку установить учение о психофизической энергии, согласно с гипотезой Оствальда, как дальнейшее ее развитие.

По Лассвицу, если все физические изменения обуславливаются обменом энергий и если все психические, сознаваемые нами, изменения связаны с физическими изменениями в нашей нервной системе, то мы имеем основание сочетать со всеми изменениями индивидуального сознания изменения в состоянии энергии в соответствующем нервном аппарате. По Лассвицу, под названием психофизической энергии следует подразумевать ту часть энергии нервной системы, изменения которой вызывают изменения в состоянии сознания, иначе говоря, под психофизической энергией подразумевается та часть энергии нервной клетки, колебания которой мы испытываем под видом индивидуального состояния сознания. Процессы превращения психофизической энергии, по автору, и образуют собой физиологический коррелят психических явлений.

¹⁷ Lasswitz K. Über psychophysische Energie u. ihre Factoren, Arch. f. syst. Philosoph. 1895. Bd. I. Heft. I.

Наши ощущения и их комплексы обязаны обмену энергий между образованиями, к системе которых принадлежит и наш мозг. Если особенностью психической энергии является то обстоятельство, что ее факторы не поддаются измерению, тогда как для потенциалов прочих форм энергии имеются известные масштабы, то отсюда следует лишь, что математическое обращение с ними представляется невозможным, но ничуть не обозначает, что эти факторы не могут быть допускаемы теоретически. Сущность гипотезы автора, по его собственным словам, состоит в том, что фактор способности в работе психофизической энергии, или так называемая эмпатия (*Empathie*), по автору, составляет физиологический коррелят чувства.

Из вышеприведенного ясно, что по Лассвицу психофизическая энергия составляет физиологический коррелят психических процессов, что колебания этой энергии и ощущаются нами в форме индивидуального сознания.

Надо при этом заметить, что, по Лассвицу, обычные психологические понятия, как чувство, ощущение и представление, не находятся ни в каком функциональном соотношении с психофизической энергией, так как они не являются какими-либо определенными величинами, а представляют собой отвлеченные понятия, условно принимаемые нами при анализе нашего внутреннего мира. Лассвиц при этом указывает на бесплодность всех существовавших до сего времени стремлений найти физиологические корреляты психических состояний, но они все возникали из молекулярной или атомистической теории. Ввиду этого, по его мнению, должна быть по крайней мере сделана попытка выяснить, к каким результатам могут привести методы энергетики.

Преимущество последней перед молекулярно-механической теорией, по Лассвицу, должно заключаться в признании новых форм энергии, причем она открывает для своего исследования новые области, в которых процессы, благодаря их сложности, не представляются доступными с точки зрения атомистической теории. Вопрос должен состоять в том, насколько факты психической деятельности могут быть согласованы с общим состоянием мозговой или психофизической энергии, подчиняющимся общим законам энергии.

Ясно, что как Оствальд устраняет из внешнего мира материю, так и Лассвиц всю психическую деятельность сводит к особой психофизической энергии, совершенно не касаясь или игнорируя те физические или материальные изменения, которые, как мы знаем в настоящее время, сопутствуют нашей психической деятельности.

Но в попытке Лассвица нетрудно усмотреть так много искусственного и подтянутого под гипотезу Оствальда, которую нужно еще доказать, что вряд ли после всего вышеизложенного она заслуживает даже критики.

Существование особой психической энергии и превращение ее в физические энергии и обратно допускается также и некоторыми другими авторами. Между прочим, Зигварт и Штурмер устраняют воззрение на энергию как на движения молекулярных частиц. Они придерживаются того взгляда, что превращение одной энергии в другую, например, электрической в световую или тепловую, ничуть не должно истолковывать механически в смысле изменения характера движения молекулярных частиц. Таким образом, по этому взгляду для обычного представления, что теплота, происходящая при столкновении двух масс, обязана превращению массового движения в молекулярное, нет достаточных оснований и вообще не доказано, что теплота есть род молекулярного движения. Мы можем ограничиться лишь определением, что теплота есть один из видов энергии, не предрешая ее сущности.

При таком понимании дела, конечно, нетрудно допустить и психическую энергию, и возможность превращения ее в физическую энергию и наоборот, так как энергия в таком случае является лишь способностью к работе, а будет ли эта энергия психическая или физическая – это представляется уже безразличным.

Этот взгляд, конечно, мог бы иметь значение при условии, если бы можно было устранить коренное различие между физическими и психическими явлениями, о котором мы уже

говорили раньше и которое для всех является непререкаемой истиной. Поэтому и это воззрение не может быть признано удовлетворяющим своей цели.

По Штумпфу¹⁸ закон сохранения энергии есть просто закон превращения.

Если кинетическая энергия или живая сила видимого движения превращается в другую форму энергии и затем эта последняя энергия, в свою очередь, может быть превращена обратно в кинетическую энергию, то получается та же сумма энергии, которая была употреблена вначале. Так как закон не говорит, в чем именно должны состоять различные виды энергии, то поэтому можно было бы смотреть на психическое как на скопление энергии особого рода, которая могла бы иметь свой механический эквивалент. Таким образом, дело, очевидно, сводится к тому, что физика не нуждается в том, чтобы под энергией понималось непременно нечто физическое, а это уже дает возможность говорить о превращении известных нам видов энергии в психическую энергию и наоборот.

Это воззрение, как легко видеть, просто устраняет или обходит понятие о психическом, иначе говоря, закрывает глаза перед тем, что, собственно, и должно быть предметом научного анализа.

Впрочем, некоторые авторы не находят противоречия даже и в возможности превращения физического в психическое. *«Со времени Декарта говорят, что причинность может быть только между явлениями однородными; но это неправильно и вот почему: это было бы правильным только в том случае, если бы мы под причиной понимали нечто такое, что созидает действие, или если бы мы искали какую-нибудь внутреннюю связь между причиной и действием – между тем в действительности под причинностью мы должны понимать совсем не это. При помощи термина “причинность” мы желаем только обозначить, что если дано А, то вслед за ним появляется В, изменение А вызывает изменение В и т. д. Поэтому нет никакой надобности, чтобы между причиной и следствием существовала однородность. Самые разнородные явления могут находиться друг с другом в отношении причинности. Обыкновенно кажется, что причинное отношение в мире физическом в высшей степени просто и понятно, а причинное отношение между психическим и физическим совсем непонятно. Если, например, движется шар и на пути своем встречает другой шар, который приводится им в движение, то мы говорим, что движение первого шара является причиной движения второго. Эта связь нам кажется простой и понятной; но если у меня вслед за известным волевым решением возникает движение руки, то кажется, что причинное отношение между одним и другим непонятно. В действительности же одно причинное отношение не более понятно, чем другое и даже, может быть, второе более понятно, чем первое; может быть, первое отношение становится для нас понятным только потому, что мы уже знакомы со вторым»*¹⁹.

Нетрудно, однако, заметить, что здесь под понятие причинности подставляется понятие функционального отношения, о котором мы уже упоминали выше. Вряд ли, однако, этот софизм может удовлетворить многих. Во всяком случае, если бы даже и согласиться с изложенным воззрением, то мы бы имели лишь простое переложение факта передачи волевого импульса в движение, но не объяснение самого явления по существу.

Надо, однако, заметить, что понятие психической энергии поддерживается и развивается другими авторами в ином смысле. Здесь в особенности заслуживает внимания попытка русского философа Н. Я. Грота ввести понятие о психической энергии в психологию. Задачу свою Н. Я. Грот сам определяет следующим образом: *«Дело будет идти в последующем анализе исключительно о том, существует ли особая психическая энергия в основе психических процессов и психической деятельности и подчинена ли она закону сохранения энергии наравне с*

¹⁸ Stumpf C. Die Rede zur Eröffnung d. III Internat. Congresses f. Psychologie. Цит. по: Челпанов Г. И. Очерк современных учений о душе. // Вопросы философии и психологии. Март – апрель. 1900.

¹⁹ Челпанов Г. И. Очерк современных учений о душе. // Вопросы философии и психологии. Март – апрель. 1900.

физическими энергиями, входя в общую систему энергий природы, которые со включением в нее энергии психической уже не могут называться (ни одна) чисто физическими, а окажутся все, так сказать, психофизическими энергиями (т. е. способными превращаться в психическую форму) или просто формами единой мировой энергии

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.